

Юлия Трухан

Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка

СУБЪЕКТНАЯ ВАЛЕНТНОСТЬ ГЛАГОЛОВ ВТОРИЧНОЙ НОМИНАЦИИ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ (на материале лексики ментальной сферы)

В настоящее время глагол как особая часть речи занимает центральное положение в лексической системе языка, поскольку он входит в основной словарный фонд и относится к числу наиболее употребительных лексических единиц. Однако, несмотря на это, русский глагол отличается исключительной сложностью своего содержания, разнообразием грамматических форм и категорий, а также богатством парадигматических и синтаксических связей. Еще акад. В.В. Виноградов отмечал, что «смысловая структура глагола шире, чем имени существительного, и круг его значений подвижнее. <...> Глагольные конструкции имеют решающее влияние на именные словосочетания и предложения» [2, с. 422]. Реализуя широкий диапазон смыслов, глагол в чистом виде, без валентностного окружения, не используется, поскольку данная лексическая единица обладает чрезвычайно широким сочетательным потенциалом, особенно это касается глаголов вторичной номинации. Если глаголы с первичным значением характеризуются достаточной парадигматической закрепленностью в структуре языка и менее других зависят от контекста, т. е. имеют наименьшую синтагматическую обусловленность, то глаголы со вторичным значением определяются посредством семантической обстановки.

Под вторичной номинацией мы понимаем лексико-семантические варианты и оттенки значений, которые образованы в результате переосмысления основного или одного из основных значений глагола. При этом формально используется уже существующая единица в качестве имени для нового обозначения. Наиболее продуктивным и универсальным способом образования вторичных глагольных единиц со значением ментальности является метафорический перенос. В лингвистической литературе отмечается, что «ментальная сфера относится к тем денотатам, которые в силу своей абстрактности получают в языке преобладающее метафорическое выражение» [1, с. 5].

Цель статьи состоит в том, чтобы на материале публицистических текстов установить специфику субъектных актантов, участвующих в развитии вторичного ментального значения.

Анализ материала показывает, что в позиции субъектного актанта к

глаголам вторичной номинации выступает чаще всего отвлеченное существительное *мысль*, которое оказывает метафоризирующее влияние на глагол, в результате чего первичное значение глагольной единицы определенным образом трансформируется. Продемонстрируем это на примерах: «**В голове вертелась мысль**: «как попугай-неразлучники». Не в смысле, что маленькие. А в том, что всегда вместе....» (СБ. Беларусь сегодня. 15.06.2010); «**Одна мысль стучала в висках**: быстрее добраться до дома» (СБ. Беларусь сегодня. 16.01.2009); «Впрочем, **шаловатая мысль** о подобном казусе **промелькнула в мозгу** лишь реактивной пулей, оставив едва заметный шлейф и тут же буйную головушку покинула....» (СБ. Беларусь сегодня. 21.07.2011); У меня **в голове**, пожалуй, как и у многих других, **проскочила шальная мысль**: собственно, а зачем мы здесь?» (СБ. Беларусь сегодня. 14.08.2012). По первичному значению все выделенные глаголы относятся к ЛСГ глаголов движения или к ЛСГ глаголов физического действия. Переносное значение рассматриваемых лексических единиц возникает на основе уподобления невидимых процессов, происходящих в психике человека, наблюдаемым действиям перемещения в пространстве или физическим действиям. Чаще всего в прямом значении рассматриваемые глаголы употребляются с одушевленными существительными, а получая переносное значение, они приобретают новую сочетаемость с неодушевленным абстрактным существительным.

Практически все глаголы, развившие вторичное значение ментальности, сохраняют валентность первичных значений: *промелькнуть* (где?) *в голове*, *вертеться* (где?) *в уме*, *лезть* (куда?) *в голову* и др.

Кроме этого, в вышеприведенных примерах обнаруживается, что субъектная лексема *мысль* локализуется, как правило, *в голове*, *мозгу*, *памяти*, *уме*. Все эти существительные по своей семантике так или иначе связаны с номинированием мыслительных зон, для которых протекание ментального процесса является неотъемлемой составляющей. Однако в публицистических текстах эпизодически встречаются предложения, где обнаруживается, что субъектная лексема *мысль* может сосредотачиваться *в воздухе*, *над полем*, *в зале* и др. Продемонстрируем это на иллюстративном материале: «**В воздухе витала мысль**, что Александр Глебов все-таки выйдет на игру...» (СБ. Беларусь сегодня. 17.10.2010); «заслуженный юрист Беларуси Иван Игнатьевич Басецкий подтвердил **мысль**, которая, казалось, **витала в самом зале**: о проблеме наркомании не нужно говорить, о ней пора кричать» (СБ. Беларусь сегодня. 03.12.2012); «Ее, конечно, сформулировал я, но **сама мысль ви-**

тала в атмосфере нашей семьи» (СБ. Беларусь сегодня. 09.02.2012); *«Нам дали возможность показать себя в деле перед болельщиками, и мы сделаем все, что умеем!» – эта мысль испанских футболистов просто витала над полем, а ее воплощением стали три «сухих» гола в ворота Левицкого»* (СБ. Беларусь сегодня. 14.11.2012); *«Несколько последних лет в спортивных кулуарах Армении бродила мысль заиграть перспективного парня за свою сборную»* (СБ. Беларусь сегодня. 15.08.2012). Данные примеры являются следствием метонимического переноса, когда совершение мыслительных операций происходит в голове не у отдельно взятого человека, а у некоторого количества людей (т. е. *каждый, кто находился в пределах какого-либо пространства, о чем-то думал*).

Не менее интересным представляется наблюдение над предложениями, в которых субъектная лексема *мысль* олицетворяет живое существо, которое может совершать какое-либо действие. Например: *«Так как в голове давно сидит и ждет своего предательского часа подлая, слабая и податливая, как пластилин, мысль: не надо, не делай этого, зачем? Где твои крылья?»* (СБ. Беларусь сегодня. 25.07.2009); *«Уже в подсознании, хочешь или не хочешь, сидит в голове мысль, что, мол, можем победить»* (СБ. Беларусь сегодня. 25.10.2012). В данных примерах возникает окказиональное восприятие описываемого факта. Семантическая сочетаемость глаголов с отвлеченным существительным *мысль* становится возможной в результате появления в семантической структуре неодушевленного существительного семы 'одушевленность'. Как известно, особым видом олицетворения является персонификация. В свое время А.М. Пешковский, рассматривая свойство языка «опредмечивать все непредметное», обратил внимание на персонификацию невидимых предметов и отвлеченных понятий. По его мнению, данные отвлеченные существительные в определенных контекстных условиях могут быть представлены как человекоподобные существа: *совесть задевает, тепло уходит* [3, с. 95].

Таким образом, исследование субъектной валентности глаголов вторичной номинации в публицистических текстах показало, что позицию N слева от глагола вторичной номинации чаще занимает абстрактное существительное *мысль*, которое служит внутренним мотивом к развитию метафорических значений. Отсутствие данного субъектного актанта может свидетельствовать об изменении значения глагола и приобретении им характера конкретности. В рамках рассматриваемых публицистических текстов также наглядно проявляется направление метафориче-

ского развития, позволяющее с помощью глаголов иных семантических групп обозначить ментальную деятельность.

Литература

1. Барашкина, Е.А. Метафоризация как способ языковой номинации компонентов ментальной сферы: дис. ... канд. филол. наук / Е.А. Барашкина. – Самара, 2007. – 176 с.
2. Виноградов, В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В.В. Виноградов. – М., 1947. – 784 с.
3. Пешковский, А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. – М., 2001. – 432 с.